

✦ Михаил Московец

Кружок самок бумиш

18+

Михаил Евгеньевич Московец

Кружок самоубийц

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68709255

SelfPub; 2022

Аннотация

Самые горькие дни должны завершаться чем-то светлым. Удивительно, как после ливня, неприятной встречи, тусклого и облезлого подъезда вспоминаются приятные моменты жизни.

Михаил Московец

Кружок самоубийц

Проливной дождь. Такой, что невозможно даже сигарету зажечь.

Я встаю под квадратный козырек подъезда. Встаю криво, и левое плечо оказывается прямо под потоком воды, который летит с этого же козырька. Однако тело мое замирает, всю свою энергию направив в большой палец, безуспешно вызывающий огонь из зажигалки.

Чирк, чирк, чирк... Пламя. Аккуратно подношу кончик сигареты к огоньку, боясь спугнуть. Загорается. Победоносно убираю зажигалку в карман и глубоко затягиваюсь.

Только сейчас я замечаю, что вода льется на мое плечо – одежда насквозь промокла, и я чувствую, как влажный хлопок сковывает движения. Встаю ровнее, чтобы оба плеча укрылись под крышей.

Вторая затяжка.

Грязная подъездная лампа едва освещает пространство под козырьком, не говоря уже об улице. Ливень вкупе с темнотой скрывают все, что происходит вне моего островка. Я лишь отдалённо слышу, как из водостока буйно хлещет вода. Три дождевые стены – спереди, слева и справа – окружают меня, и я чувствую себя словно в коробе.

Третья затяжка.

Из темноты слева вылезает тело и замирает, подставив голову и плечи под стекающий с козырька водопад. Замирает так, как могут замирать одни пьяницы, – совершенно не двигаясь и даже, кажется, не дыша. Опухшее лицо болотного оттенка тарашится на меня с расстояния в несколько десятков сантиметров.

Четвертая затяжка. И сразу пятая.

Я бросаю вполовину скуренный окурок куда-то вперед и поворачиваюсь к двери подъезда. Тело не двигается, но я догадываюсь, что оно хочет зайти внутрь. Набираю код, открываю дверь и демонстративно отхожу, пропуская наблюдателя вперед.

Тело выходит из-под воды и семенит внутрь. Я почти уверен, что этот человек двигается по наитию. Он неспешно проплывает мимо меня, и я успеваю заметить, что вся его одежда потемнела от влаги – скорее всего, давно он шатается в поисках прибежища. Получается, я спас его.

Первый дверной порожек человек преодолевает, но второй оказывается ему не по зубам – левая нога, едва отрываемая от земли, спотыкается о деревянный выступ, и тело шлепается плашмя. Молниеносно и почти беззвучно.

Я все еще стою на улице, придерживая дверь, точно подобострастный швейцар. Становится холодно. Но и переступить через валяющегося человека я не могу.

А тело лежит без движения. Снова этот проклятый талант лишать организм жизни.

Зачем-то оглядываюсь на улицу – в темноту, где все еще хлещет безумный дождь.

Смогу ли я переступить через пьяное тело?

Решать не пришлось, потому что тело начало елозить и извиваться. Руки согнулись в локтях и уперлись в грязный пол; поджались и колени. Туловище сделало усилие и приподнялось, на удивление, легко – человек снова очутился на ногах. Он не обернулся на меня, а такой же вялой поступью пошагал вверх по ступенькам.

Я захожу следом. Плестись за едвадвигающимся телом и вдыхать пары вечного перегара не доставляет удовольствия, поэтому уже в первом пролете я обгоняю своего оппонента.

В подъезде темно: перепачканные изнутри плафоны, повешенные, как покойники, на каждом этаже, в агонии дают тусклый свет, отчего непроизвольно чувствуешь себя словно в средневековой тюремной башне. Стены облупленные – с них давно уже слезла краска, и, видимо, никому не было дела до их внешнего вида; кое-где даже штукатурка отошла в мир иной. Серые ступени протерты многолетним хождением вверх-вниз, а на одном из этажей посреди лестницы зияет дыра шириной почти полметра.

Я останавливаюсь, приседаю и заглядываю в нее: звуки шаркающих шагов предваряют появление моего новоиспеченного знакомого. Шарк, шарк, шарк...

На этаже ниже появляется тело, бездумно поднимающееся по ступенькам. Оно все еще плывет, почти не качаясь,

точно не выходя за рамки заранее установленной амплитуды движений. Неожиданно оно замирает и поднимает голову вверх: шестое чувство проявляется даже сквозь спирт.

Стеклянные глаза таращатся на меня. Я уверен, что они ничего не различают дальше своего носа, но мне становится не по себе: пульсирует мозг, воротит живот, сводит ноги.

Я сижу еще некоторое время, убеждая себя, что отведу взгляд только тогда, когда захочу. Первым отворачивается тело, зашагав дальше. Поднимаюсь и я.

Запахов в подъезде нет: все здесь как будто стерильное – не чистое, а пустое, полое. Нет содержания, наполнения, и создается впечатление, что подъезд – это всего лишь декорация, оставленная на заброшенном павильоне.

Каждый этаж в точности повторяет все предыдущие, как брат-близнец.

На серой стене вижу цифру «4». Захожу в дверной проем и иду на приглушенные звуки где-то в глубине помещения.

В конце коридора виднеется свет, более яркий, чем на лестнице.

Отворяю дверь и захожу в просторную комнату с голыми, но выкрашенными белым стенами. Глаза слепит, и я прикрываю их ладонью, давая привыкнуть.

Около дальней стены вижу стол с красной скатертью; на нем – большой железный термос, видимо, с чаем или кофе. В центре комнаты – стулья, расставленные по кругу.

Навстречу мне идет средних лет человек в коричневом

свитере, из-под которого торчит воротник бежевой рубашки. Вероятно, этот человек – главный.

– Здравствуйте, вы в наш «круг»? – неподдельно улыбается он мне.

– Да.

– Пожалуйста, присаживайтесь. Если нужно – на столе чай, зеленый и черный.

– Не нужно.

Он заботливо усаживает меня на стул, а я делаю вид, что мне это приятно.

– Скоро начнем, – широкая улыбка его располагает к себе.

Я сижу на пластиковом стуле в ожидании начала. Около стола с красной скатертью небольшая группа людей разговаривает о чем-то с явным интересом, перебивая друг друга. Одинокий мужчина стоит у открытой форточки и курит; но почему-то кажется, что он больше дышит дождливым воздухом и успокаивается, чем удовлетворяет тягу к сигарете. На нем темно-синий костюм, а протертые локти и колени выдают преклонный возраст пиджака и брюк; при ближайшем рассмотрении замечаю, что брюки, скорее, черные, то есть от другого комплекта.

В подъездном коридоре, из которого я вышел, раздается грохот, как будто падает нечто тяжелое. Все оборачиваются, а встречающий в коричневом свитере бежит к двери и исчезает за ней. Через минуту он появляется в проеме вместе с мокрым телом под руку.

Вошедшие на мгновение замирают перед публикой, как бы давая приветствовать себя, а затем встречающий усаживает тело на соседний со мной стул. В полусогнутом виде, упершись локтями в колени и подперев ладонями опухшее лицо, тело замирает.

– Что ж, приступим! – просит всех человек в коричневом свитере.

Поразительно, что он даже не отряхивается от прикосновения к дважды валявшемуся пьянице. Сбоку на выхоленном свитере его сыреет круглое пятно помощи.

Группа у стола расформировывается и рассаживается по местам.

– Мы очень рады видеть новые лица, – начинает главный и смотрит на меня. – Я представляю: Виктор. Пару лет назад мой близкий друг выбросился из окна, по своим причинам, – казалось, улыбка его самую малость угасает, – и я осознал, что те чувства, которые испытывал я, испытывают множество людей ежедневно и ежечасно. Поэтому я и решил собирать такое вот небольшое собрание – в шутку мы называем его «кругом самоубийц», – он произносит это чуть тише, смотря в сторону, – потому что в нашем кругу еще никто не покончил с собой.

Он замолкает, видимо, в ожидании чьего-то слова. Но никто не изъявляет желания говорить; слышно лишь капли, барабанившие по окну.

Виктор окидывает взором каждого по очереди и улыбает-

ся, переводя глаза дальше; они словно вежливо спрашивают: «Вам есть, что сказать? Нет? Ладно, быть может, в следующий раз...»

Я выдерживаю его непродолжительный взгляд, а затем смотрю на остальных. Нынешняя ситуация напоминает мне подростковую игру, когда маньяк пытается подмигнуть своей жертве (что значило убийство) таким образом, чтобы никто из толпы не заметил. Сейчас именно так все наблюдают друг за другом.

Мужчина в разнотонном костюме резко поднимается и почти бежит к выходу. Очевидно, не выдерживает умиротворенного спокойствия.

Виктор не говорит ни слова, лишь провожая его глазами. Трудно сказать, уверен ли он в возвращении этого человека либо тут же забывает о нем, мысленно исключая из «круга», дабы не нарушать положительную статистику.

Тело рядом со мной негромко посапывает. Косясь в его сторону, я наконец ощущаю на себе благодать познания: это великолепная тактика – напиваться до беспометства – чтобы не думать о самоубийстве! Думаю, стоит принять ее во внимание.

Один из группы, что перед началом стояла около стола с красной скатертью, поднимается со своего места и направляется к большому термосу с чаем.

Интересно, такая расслабленная атмосфера создается нарочно или спонтанно?

Я равнодушно поворачиваюсь к окну: в раскрытой форточке – словно метеоритный дождь – мелькают продолговатые капли, многие из которых оседают прямо на стекле. Я невольно улыбаюсь, и в моей голове отчетливо воспроизводится воспоминание августовской ночи в горах Грузии, когда мы с друзьями, заплутав в бесконечном серпантине, случайно набрали на старую советскую обсерваторию.

Небо там было поразительно чистым; им хотелось любоваться вечно. Работники обсерватории бодрствовали, так как пропускать наблюдение метеоритного дождя и роя хвостатых комет было для них преступлением. Все вместе мы – астрономы с приборами и планшетами и обычные зеваки с двумя вылупленными глазами – долгое время таращились на чернящий небосвод, наблюдая за полосой Млечного пути, звездами, кометами и спутниками.

Затем работники пригласили нас внутрь, к телескопу, который был настроен на Сатурн, бывший в самой близкой к Земле точке. Конечно, мы согласились, ведь никто из нас не видел настоящую планету вблизи: кремового оттенка шар, покрытый песочными кольцами. Планета не двигалась и не изменялась, но мы еще долго глазели на этот застывший в космосе газовый гигант...

Я поднимаюсь со стула, замираю на секунду и ухожу прочь. Мне здесь не место. Я не смотрю на Виктора, но надеюсь, что он так же провожает меня взглядом, как и того мужчину-невротика. И мысленно исключает из своего «круга».

Я спускаюсь вниз по протертым ступенькам, чуть не угодив в дыру ногой, и выхожу на улицу. Дождь понемногу затихает; из водостока уже не хлещет вода, а с козырька падают лишь самые крупные капли.

Мне больше никогда не снится сон, будто я падаю с тринадцатого этажа и разбиваюсь насмерть.